

Н.О. НОГОВИЦЫН

*к. филос. наук, доцент
Санкт-Петербургский
государственный университет
Санкт-Петербург*

КЛАСТЕРНЫЕ СТРУКТУРЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА

Важной частью построения любого кластера являются механизмы коммуникации – как внешней, так и внутренней. Классические формы коммуникации не подходят для данной структуры так как предполагают определенную централизацию, единый код, достаточно жесткую фиксацию позиции автора и читателя. Для возникновения кластеров, в культуре должны быть наработаны подходящие структуры текстов и формы общения. В статье анализируются те формы культурных текстов, которые легли в основу кластерной коммуникации. Рассматриваются такие структуры текстов, как гипертекст и кибертекст, анализируется их возможное влияние на формирование кластерных структур. Автор показывает, что типичные для кластера формы коммуникации появляются изначально в художественной культуре и воспринимаются многими как экзотика, имеющая смысл только в рамках «искусства ради искусства». Но эти же формы текста приобретают практическое значение и используются на практике при построении художественных или промышленных кластеров.

Ключевые слова: коммуникация, философия смысла, кластер, гипертекст

Исследование профинансировано Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) в соответствии с исследовательским проектом № 18-011-00977 («Кластерная культура: исследовательские стратегии и философская аналитика») / The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR) according to the research project № 18-011-00977

N.O.NOGOVITSYN

*Candidate of Philosophical Sciences, associate professor
Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg*

CLUSTER STRUCTURE AS A FORM OF TEXT

An important part of building any cluster is the communication mechanisms - both external and internal. Classical forms of communication are not suitable for this structure since they imply a certain centralization, a single code, a rather rigid fixation of the position of the author and the reader. For clusters to emerge in culture, appropriate text structures and forms of communication must be developed. The article analyzes those forms of cultural texts that formed the basis of cluster communication. Text structures such as hypertext and cybertext are examined, their possible influence on the formation of cluster structures is analyzed. The author shows that typical forms of communication for a cluster appear initially in artistic culture and are perceived by many as exotic, meaningful only within the framework of «art for art's sake». But these same forms of text acquire practical significance and are used in practice in the construction of artistic or industrial clusters.

Keywords: communication, philosophy of meaning, cluster, hypertext

Коммуникативные технологии меняют не только ритм и формат общения, но и содержание самого сообщения. Пожалуй, лучше всего эту мысль продемонстрировал Маршал Маклюэн в книге «Галактика Гуттенберга. Становление человека печатающего» [5]. Текст был опубликован в 1962 году и впоследствии правился, судя по всему, незначительно. Понятно, что за прошедшие почти 60 лет культура, как и форматы коммуникации, изменились достаточно сильно и сейчас мы можем многое добавить к базовому тезису Маклюэна. В данной статье мы попробуем проследить одну из тенденций последних десятилетий – смену маршрутов выражения смысла в культурных текстах, происходящую параллельно с трансформацией форматов коммуникации. Мы покажем, что в современной культуре многие тексты становятся осмысленными, только если анализировать их как цельное кластерное подмножество, являющееся частью современной культуры.

Понятие кластера приходит в гуманитарные науки из математики, экономики и социологии во второй половине XX века и становится крайне удобным для описания целого ряда культурных феноменов. Единое определение кластера вряд ли возможно, так как слово это присутствует в самых различных областях культуры и науки, используется в разных смыслах. Конкретное определение кластера может зависеть от контекста и предмета исследования. Чаще всего кластер определяется как объединение нескольких однородных элементов, каж-

дый из которых может рассматриваться как самостоятельная единица, обладающая определенными свойствами. В рамках данного исследования будем исходить из предположения, что кластерная структура – это непустое множество различных между собой взаимосвязанных элементов, выстроенное в децентрализованную структуру и не меняющее своего содержания при утрате или смене несущественного количества элементов. Каждый элемент оказывается частью данного множества в основном потому, что выполняет какую-то определенную функцию, т.е. имеет определенное значение, поэтому проще всего кластерная структура анализируется как множество знаков или множество текстов, объединенных каким-то определенным смыслом.

Понятие кластера стало популярным в современной экономической и социологической мысли, кажется, потому, что в ряде ситуаций кластерная структура работает эффективнее, чем классическая производственная структура [1]. Причина данной эффективности часто определяется как создание инновационных продуктов и/или внедрение инновационных способов производства. При этом, критерии новизны и инновационности внедряются вместе с самим процессом развертывания кластера и являются, следовательно, самопорождающейся и самоподдерживающейся структурой – закрытой ровно настолько, насколько вообще может быть закрытой структура в эйнштейновской вселенной. Кластер, следовательно, является машиной порождения смыслов, которая порождает и причиняет смыслы ровно так же, как знаменитая машина желаний, с той лишь разницей, что желания вполне может не быть целью [см. 3].

Критически важной частью построения кластерной структуры становится процесс коммуникации, без которого кластерная структура не может быть выстроена и, главное, вряд ли имеет смысл. Если в классической теории коммуникации адресат и респондент изначально должны быть схожими и именно эта схожесть субъектов коммуникации делает возможным сам факт общения, то в кластере, очевидно, коммуникация проходит по другой схеме. Отличием кластера от классических структур является принципиальная разнородность ее элементов, эффективность кластера напрямую связана с тем, насколько участники кластера сильно отличаются друг от друга. Кластер как множество текстов должен, следовательно, быть организован принципиально иначе, чем многие классические тексты. Интересно то, что подходящие формы нелинейной коммуникации появляются задолго до возникновения классических кластеров. Впрочем, надо заметить, что эта структура присутствует не только в литературе или иных явно текстовых формах, но локализуется она, например, и в урбанистике [2].

Так, широкое распространение глобальной сети привело к появлению в пределах повседневности такой формы коммуникации как гипертекст. Если первоначально гипертекст не претендовал на нечто кардинально новое и был лишь техническим дополнением к стандартной опции выбора возможностей, то со временем он стал вполне самостоятельной функцией в культуре. Гипертекст

достаточно быстро занял достойное место в современной культуре. Пожалуй, быстрее всего он перешел в литературу. И, если задним числом он обнаруживается даже у Джойса, то в современной культуре он используется все чаще и чаще, а использование это становится все сложнее игнорировать.

В качестве бумажного примера литературного развертывания гипертекстовой структуры можно взять роман замечательного американского писателя Томаса Пинчона «Выкрикивается лот 49». Роман был издан в 1966 году и оказался провальным во многом потому, что не обладал должной для того времени целостностью. Он содержал такое количество отсылок к историческим событиям и перекрестных ссылок, что для его понимания одно текста романа было мало. Точнее, текст был выглядел понятным, но слишком запутанным и нелогичным. Такая структура легко могла бы быть реализована в современном интернете, где ссылки подчас делаются автоматически. В классическом же формате книга читалась плохо, что и вызвало недовольство читателей. Подобных примеров, на самом деле, множество. И из них хорошо видно, то в модели гипертекста заложена одновременно избыточность и недостаточность. Такой текст недостаточен в плане в горизонте данных, но, в то же время, недостаточен в плане фактов. Эта структура, с одной стороны, порождается технологией, но, с другой стороны, она отражает некие вполне определенные структуры нашего мышления. Особенно интересной она оказывается в тот момент, когда становится культурным феноменом.

До определенного предела эта идея доводится в формате эргодического письма. Этот термин ввел шведский писатель и философ Эспен Аарсет [8, р.216]. По Аарсету эргодическое письмо – это текст, который сопротивляется прочтению. И это сопротивление не стилистическое (которое мы можем обнаружить, например, в философских текстах, а эстетическое. К этой группе относятся тексты, которые не позволяют себе быть прочтенными без должных усилий со стороны читателя. Одним из наиболее популярных приемов оказывается нелинейность текста. В эргодическом романе текст не является гладким, не позволяет читателю просто скользить по его поверхности или нырять местами «в глубину». Вместо этого он требует постоянных перескоков, прыжков и переходов между различными своими частями.

Классическими примерами эргодической литературы являются тексты Милорада Павича «Хазарский словарь», Хулио Кортасара «Игра в классики», Владимира Набокова «Бледное пламя» и др. Возможно, вершиной такого типа текста оказался роман замечательного латиноамериканского писателя Роберто Боланьо «2666» (опубликована в 2003 году). Этот огромный текст (более 1000 страниц) содержит более 100 различных, не связанных на первый взгляд между собой историй. Каждая история, при этом, не соответствует канонам литературы, т.е. не обладает завершенным сюжетом. Возможно, единственное, что объединяет все эти истории – это смерть и страдание, которые присутствуют бук-

важно в каждом рассказе. Многие истории пересекаются друг с другом, образуя огромный и запутанный лабиринт. Своеобразную красоту этому проекту придает его незавершенность, причиной которой оказалась внезапная смерть автора, сделавшая текст из незавершенных рассказов в свою очередь открытым целым. Данный текст как бы воплощает собой тот принцип кибертекста, который является ключевым в нашем исследовании – кибертекста требует присутствия читателя «здесь и сейчас» и, в то же время «везде». Для понимания такого текста необходимо видеть, как всю книгу в целом, так и его фрагменты во всей их отдельности. Согласно Эспену Аарсету, здесь напрашивается сходство с женским мышлением, поэтому он часто называет эргодическую литературу феминистической.

Эргодическая литература (как и камера обскура) в свое время была исключительно эстетическим приемом, позволяющим реализовать самые разнообразные художественные замыслы, пока не была воплощена в формате техники. Более того, как мы уже писали, техника эта стала, благодаря внешним обстоятельствам, распространенной и общепринятой. Но в техническом исполнении этот тип литературы больше похож не на гипертекст, а на кибертекст (термин самого Аарсета). Главным отличием кибертекста от гипертекста является то, что в кибертексте ссылки постоянно оказываются «битыми» и не ведут никуда.

Первоначально данный термин гипертекст использовался для обозначения технического множества текстов, существующих параллельно не пересекающихся буквально, но объединенных перекрестными ссылками. Термин этот был введен знаменитым американским философом и социологом Теодором Нельсоном (род. 1937) в 1965 году в докладе «Файловая структура для сложного, меняющегося и окончательно неопределимого» [7]. Термин был введен для того, чтобы показать, как постоянно растущий объем данных информационной сети может быть доступным для пользователя. Основным отличием гипертекста на тот момент было то, что он позволял самым разным текстам пересекаться одновременно и делал доступным любую точку текста в любой момент времени. Альтернативами гипертексту были модели, разворачивающие данные во всей последовательности, в виде иерархического древа данных. Гипертекст многократно критиковали за то, что он создает неупорядоченное множество текстов, доступность и объем которого практически невозможно проконтролировать. Компьютерную модель гипертекста одним из первых определил Джордж Лэндоу, который в 1992 году описал ее как «текст, состоящий из блоков слов или изображений, соединенных электронными адресами, связками или маршрутами в бесконечном, постоянно незавершенном множестве текстов, описываемом терминами ссылка, нода, сеть, веб и адрес» [9]. Лэндоу также предположил, что гипертекст может быть реализован и на бумаге. В этом случае заменой электронных адресов окажутся символические связи. Принципиальным моментом здесь является то, что внутренним связующим элементом для всего

множества текстов будут отдельно взятые слова или фразы. И они выстраиваются по определенному алгоритму. Эта сторона гипертекста особенно хорошо видна в русской Википедии, в которой многие термины оказываются ссылками автоматически, но не ведут ни к каким конкретным страницам, так как «страница для этого термина еще не была создана».

Кибертекст, в отличие от гипертекста, основан не на статичных ссылках и переходах, но на постоянно меняющемся алгоритме. Этот алгоритм может зависеть от настроения или позиции читателя, а может быть основан на выборке случайных чисел. Он постоянно изменяется. Если гипертекст один для большинства пользователей, то кибертекст выстраивает различные маршруты прохождения, индивидуальные для каждого читателя. Аарсет пишет о том, что кибертекст оказывается «не метафорой, но вполне реальным механическим устройством, рассчитанным на производство и потребление знаков» [8, p.76].

Обращает на себя внимание позиция читателя. В рамках структурных исследований литературы давно уже была декларирована смерть автора и (хоть и своеобразную) необходимость в живом читателе. Здесь же дело при первом приближении выглядит прямо противоположным образом – мы видим смерть читателя и оживление (пусть и условное) автора. Автор предстает здесь не автором текста, но создателем алгоритма, программы. Языком (мы попробуем остановиться на этой мысли подробнее чуть позже) – генератор случайных чисел или самообучающаяся нейросеть. Место же читателя оказывается фактически излишним, ведь он является лишь средой развертывания одной из возможных серий событий, которая имеет лишь косвенное отношение к целому тексту.

Примером компьютерного кибертекста может быть «Сто тысяч миллиардов стихотворений французского поэта» Раймона Кено. Книга является сборником стихов, который содержит десять сонетов; каждая строка каждого сонета напечатана на отдельной полоске. Поскольку все сонеты имеют одинаковую схему рифмовки и одинаковые рифмы, строки можно комбинировать в любом порядке, открывая соответствующую полоску из каждого сонета. Количество потенциальных комбинаций огромно: 140 строк, содержащихся в десяти сонетах, дают возможность составить 1014 стихотворений, то есть число, заявленное в заглавии (100 000 000 000 000). На момент выхода сборника (умещавшегося на 38 страницах) это число превосходило количество не только всех когда-либо написанных сонетов, но и вообще всех текстов, созданных человечеством к тому времени [10, P. 987].

Кено считал, что подобная машина для производства стихов воплощает бесконечность возможных произведений, исчерпать которую практически невозможно. Данное произведение, созданное в докомпьютерную эпоху, настолько удачно ложится на современные технологии буквально воспроизводит, например, работу практически любой поисковой машины. Современные алгоритмы поиска направлены на абсолютно индивидуальную выдачу результатов. Она

может зависеть от самого пользователя, наиболее часто посещаемых им страниц, типичных для него поисковых запросов и даже его местоположения. Сам пользователь повлиять на это процесс не может практически никак. Другими словами, множество сайтов оказываются увязаны в практически бесконечную цепочку последовательностей, каждая из которых выстраивается индивидуально.

В этом произведении читатель практически отсутствует, он – лишь пространство или плоскость для развертывания целого произведение. Само же произведение оказывается подобно языку в теории Фердинанда де Соссюра – оно не дано само по себе, но разворачивается в речи. Смысл текста здесь выражается в локализации, проникающей в разрыв между языком и значением и, следовательно, для того, чтобы определить подходящие механизмы смыслопорождения, нужно проследить за формой текста и за тем, как именно происходит переадресация на значение. Важным отличием кластерных текстов от классических форм является то, что они предполагают активное участие со стороны читателя, вариативность текста (а значит и смысла).

Структура смысла в современных текстах сильно отличается от привычной когнитивной ситуации. В философии смысла давно закрепилось представление о смысле как о некотором событии, под которым чаще всего понимается отношение вещей. Но структура современных текстов, как и то значение, к которому они отсылают, предполагают несколько иное определение смысла. Событие как отношение вещей уже не может сложиться, так как текст тщательно избегает установления отношений и выстраивания структур как таковых. Точнее, событие может оказаться случайным фактом, но никак не заранее продуманной структурой. Данные не могут сами выстроиться в некое подобие отношения, но они изначально позволяют быть выстроенными только отношению читателя (пользователя) к самим этим данным [6]. Поэтому процесс смыслопорождения в кластерных текстах выглядит несколько иначе – речь идет о выстраивании отношения не между предметами, но между читателем и содержанием текста. В силу ограниченности размера исследования мы, естественно, не претендуем на рассмотрение всех возможных вариантов и аспектов, но, по крайней мере для некоторых видов текста, данная схема вполне может быть верна.

Как мы видим, основные формы коммуникации, удовлетворяющие требованиям кластерных структур, появились и были опробованы еще во второй половине XX века, даже до проникновения в культуру информационных технологий. Эти технологии позволяют осуществлять коммуникацию между совершенно различными по функциям субъектам коммуникации. Для существования эффективного кластера крайне важно, чтобы коммуникативные процедуры были децентрализованы, основаны на взаимном интересе участников и не предполагали жесткой фиксации отношения между смыслом и значением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агитон К. Альтернативный глобализм. – М.: Гилея, 2004
2. Алексеев-Апраксин А.М., Богданова Р.Ю. Кластерный подход в отечественной урбанистике// Обсерватория культуры, вып.15. 2018 г. с.413-421.
3. Алексеев-Апраксин А.М., Соколов Б.Г. Кластеризация топосов культурной реальности // Обсерватория культуры, вып.16. 2019. 464–474. г. с.413-421.
4. Вальлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер с англ. П. М. Кудюкина под общей ред. Б. Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Университетская книга, 2001.
5. Маклюэн М/ Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника Центр, 2003.
6. Узбестер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004.
7. Complex information processing: a file structure for the complex, the changing and the indeterminate // Association for Computing Machinery: Proceedings of the 20th National Conference. Ed. Lewis Winner: 84-100, Cleveland (Canada). Режим доступа: 2017-10-25.
8. Espen J. Aarseth Cybertext: Perspectives on Ergodic Literature, John Hopkins University Press, 1997.
9. Landow, George. Hypertext: The Convergence of Contemporary Literary Theory and Technology. Johns Hopkins University Press, 1992.
10. Roland Greene & Co. OULIPO // The Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics. P. 987.

TRANSLIT

1. Agiton K. Al'ternativnyj globalizm. – М.: Gileya, 2004
2. Alekseev-Apraksin A.M., Bogdanova R.YU. Klasternyj podhod v otechestvennoj urbanistike// Observatoriya kul'tury, vyp.15. 2018 g. s.413-421.
3. Alekseev-Apraksin A.M., Sokolov B.G. Klasterizaciya toposov kul'turnoj real'nosti // Observatoriya kul'tury, vyp.16. 2019. 464–474. g. s.413-421.
4. Vallerstajjn I. Analiz mirovyh sistem i situaciya v sovremennom mire / Per s angl. P. M. Kudyukina pod obshchej red. B. YU. Kagarlickogo. – SPb.: Universitetskaya kniga, 2001.
5. Maklyuen M/ Galaktika Gutenberga: Sotvorenie cheloveka pechatnoj kul'tury. Kiev: Nika Centr, 2003.
6. Uebster F. Teorii informacionnogo obshchestva. M.: Aspekt Press, 2004.